

УДК 821.161.1.0

Н. А. Кузнецов
Новокузнецк, Россия

ОБРАЗ СТАРЦА ВАСИЛИСКА В РОМАНЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

THE IMAGE OF ELDER VASILISK
IN F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE BROTHERS KARAMAZOV"

Аннотация. В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» имеется образ человека из окружения старца Зосимы. Образ этот легко узнаваем. В сочинении Зосимы Верховского «Житие монаха и пустынножителя Василиска» мы находим описание, которое, очевидно, и было обработано Достоевским и использовано для создания точного образа.

Abstract. In F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov", there is an image of a man from the social circle of the Elder Zosima. This image is easily recognizable. In the book "The Life of Vasilisk, a Monk and Hermit" by Zosima Verkhovsky, we find a description that was obviously processed by Dostoevsky and used to create an accurate image.

Ключевые слова: Достоевский, Василиск, Зосима, Анфим, старцы, Кузнецк
Key words: Dostoevsky, Vasilisk, Zosima, Anfim, Elders, Kuznetsk

То, что образ старца Зосимы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» имеет прототипом Зосиму Верховского, не подлежит сомнению [1]. Однако в романе, как бы невзначай, всплывает образ еще одного человека. Описание его такое: «Четвертый гость был совсем уже старенький, простенький монашек, из беднейшего крестьянского звания, брат Анфим, чуть ли даже не малограмотный, молчаливый и тихий, редко даже с кем говоривший, между самыми смиренными смиреннейший и имевший вид человека, как бы навеки испуганного чем-то великим и страшным, не в подъем уму его. Этого как бы трепещущего человека старец Зосима весьма любил и во всю жизнь свою относился к нему с необыкновенным уважением, хотя, может быть, ни с кем во всю жизнь свою не сказал менее слов, как с ним, несмотря на то, что когда-то многие годы провел в странствованиях с ним вдвоем по всей святой Руси. Было это уже очень давно, лет пред тем уже сорок, когда старец Зосима впервые начал иноческий подвиг свой в одном бедном, мало известном Костромском монастыре, и когда вскоре после того пошел сопутствовать отцу Анфиму в странствиях его для сбора пожертвований на их бедный Костромской монастырек» [2].

Образ этот легко узнаваем. В сочинении Зосимы Верховского «Житие монаха и пустынножителя Василиска» [3] мы находим описание, которое.

очевидно, и было обработано Достоевским и использовано для создания точного образа.

Можно разделить на пункты описание «брата Анфима»:

1) Совсем уже старенький, простенький монашек, из беднейшего крестьянского звания...

То, что Василиск был существенно старше Зосимы, это известно. А происходил он действительно из очень бедной крестьянской семьи. Зосима пишет: *«Сторона отеческая его была в Тверской губернии, Кашинского округа, Калязинского уезда, деревне Иванши. Родитель его был экономический крестьянин Гавриил; ... напоследок пришел в крайнюю нищету, и по старости своей уже не мог трудиться и успешно промышлять, начал просить милостыню. ... Старец же тогда был еще малым отроком, и часто один оставяем был дома, и так оставиши один весь день, плача и вопия, только одного отца да мать плачуци призывал... мало подросши, начал сам ходить испрашивать милостыни, и если кто подаст деньгу или копейку, радовался, что есть чем купить калачик; приходя же к лавке некоего купца, не смел просить, но стоя, только единым умиленным отроческим взором изъявлял свою бедность и ожидал милостыни, и ежели который даст деньгу или полушку, за того весь день от всего сердца умно молит Бога и, купив калачик, весь той день как торжественной так себе вменяет. Однажды у купца разбился горшок с медом, и, выметая ему скрылья (черепья) медовые, он же, обсасывая и отирая рукою, рад был и так утешался, благодаря Бога, что дал ему познать и медовую сладость...»*

2) «чуть ли даже не малограмотный, молчаливый и тихий, редко даже с кем говоривший...»

В жизнеописании: *«Живя у брата, научился читать и писать, неутомимое же имея желание пустынного жития; того ради переписал много из разных книг, разные отеческие словеса и повести, чтобы иметь с собою в пустыне, ибо бедности ради не имея ни единой собственной книги»*. Это описание самоучки, не имеющего ни малейшего представления ни об орфографии, ни о правилах русского языка, научившегося читать от полуграмотного старшего брата. При этом уровень «образования» был, очевидно, недостаточным для Василиска, потому что далее Зосима сообщает, что Василиск «начал учиться грамоте», живя в доме у тестя.

Да и впоследствии мы находим указание на то, что чтение не было легким делом для Василиска, он читал весьма медленно: *«Достигши своего пустынного обиталища, начал в мирном духе жить, мало рукоделием занимаясь, потому что всё время проводил в чтении священных книг, выписывая из них слагаемое с его совестью, и молитвенное служение имел продолжительное: сверх канонов и положенного правила читал по десять кафизм, читал же неспешно...»*

Что касается молчаливости, то все братья Коневецкого монастыря, по описанию Зосимы, были «кротки, молчаливы и послушны»... Однако у них была традиция: «... святой праздник проводили в дружелюбном между собою обхождении... и ведя духовные беседы; и если который отец или брат, или ученик что недоумеваает или двусмысленное находит во Святом Писании, тогда, предлагая на собор, общим рассуждением разрешали недоумение: всякий по силе своего понятия подавал свое мнение. Был же принуждаем иногда прощением и Старец мой Василиск, чтоб и он объяснил неудобопонятное или двусмысленное; тогда старец, чтобы не явиться упорным и непокорным, потому что очень от сих пороков соблюдая себя тщательно, поэтому ради послушания с великим смирением истинно сообщая о своем невежестве: "Только послушания ради скажу". И так говорит к ним; услышавши же его рассуждение и толкование, часто находили, что оно совершенно, истинно и разрешительно...»

3) «между самыми смиренными смиреннейший и имевший вид человека, как бы навеки испуганного чем-то великим и страшным, не в подъем уму его».

Зосима начинает свое описание так: «Господь Бог, с высоты величия престола Своего призирая на смиренных, призрел и на смиренного раба Своего старца Василиска, позволив тому с юности и до старости через всю жизнь пребывать в смиреннии».

С самой ранней юности будущий старец Василиск был очень смиренным: «Смотря же часто на монастырь, в котором почивают мощи преподобного Макария Колязинского Чудотворца, и слышавши о нем, что он был из благородных и многое богатство имел и все Бога ради оставил, и оставил мир, пойдя в монашество; узнавши же такое о преподобном Макарии, стал помышлять о себе, что ему спасенным быть невозможно за бедность великую его, ибо не имел что, чтобы мог, Бога ради оставить, и так, печалясь, стал всецело искать клад, единственно для того, чтобы нашедши оставить, чрез что, помышляя, будет и он на степени спасенном, яко и он оставил богатство по подобию преподобного Макария, ибо он думал, что бедным нельзя спасенным быть. Крайне же желал послушать поучения от святых книг и поучений, сказуемых во святой церкви, того ради всегда в церковь ходил, но мало удавалось слышать за утеснение от народа и так, или за худость своей одежды, или за малость свою и за бессилие, не мог приближаться к глаголющему проповедь; весьма о сем печалился...»

И далее: «Придя же в монастырь Введенский, ... начал проситься, чтобы приняли его в сожительство. Тогда сам настоятель пошёл с ним один за ограду к озеру; а в ту ночь был мороз, озеро и затянуло. И сказал ему настоятель отец Клеопа, искушая его: "Иди побегай по льду, крепок

ли?» — зная, что не может выстоять лёд, одну ночь только замёрзший. Василий, нимало не противореча, ни помысля, что не подымет лёд, побуждал. Тогда возбранил ему настоятель и сказал: “Благо тебе будет, сын мой, и преуспеешь в монашестве, если всегда так послушлив будешь с отцом духовным!” Напугав его, любезно благословил и отпустил на безмолвное пустынное житие».

«Когда увидел отец Адриан Старца моего, тогда ещё называвшийся Василием, весьма богоугодно живущим, превосходнее более всех его учеников в постнических делах преуспевает; особенно за повиновение и кроткий его нрав, и за благоразумное, смиренномудрое его рассуждение, то постриг его в малую схиму, т.е. в мантию, с таким заветом и его собственным обещанием: чтоб через всю жизнь провозжал житие свое в пустынных пределах; и на пострижении дал ему имя Василиск».

«Настолько же был милостив и жалостлив и сострадателен, что даже не мог и лошадь ленивую легким ударом подогнать, только голосом и ласковыми любящими словами понуждал; но лошадь голоса его не слушалась...»

И напуган был Василиск немало, даже Зосима отметил это специально: «оставишись один, жил подвижническую жизнь, претерпевая разные борения и искушения, и мучительные сны с привидениями бесовскими разнообразными, в ужасный страх приводящими; пробуждаясь от сна, слышал от них: “Ты здесь один, а нас много, всячески погубим тебя”. И так много раз от нестерпимого ужаса он изнемогал и крепко унывал и тосковал, пока света дождется; а как только ночь — такая находит скука, ужас и тоска и страх берет его, что опять ночью страдать будет, и тогда старец мой, как человек малодушествова, недоумевал, что делать. Ко всему этому телом немощен и болезнями одержим был».

Сам Василиск «почитал себя ничтожным и небрежимым, и ничего не значащим».

4) «Этого как бы трепещущего человека старец Зосима весьма любил и во всю жизнь свою относился к нему с необыкновенным уважением».

Прямая речь: «Я, именуемый, его ученик, недостойный Зосима, когда еще был я в светском звании и посещал общего нашего духовного отца, пустынножителя Адриана, тогда много ... наслышался о Старце Василиске, что он старец богоугодный и подвизался более всех пустынножителей, поэтому и уважают его все за кротость и благонравие его. Поэтому и советовали мне, если желаю пустынного жития, чтоб не с иным кем, а с ним бы сподобился пожить, и добро бы было, говорили мне, если бы он преклонился принять тебя к себе или хотя бы дозволил жить близ него под его управлением и надзором; и еще отчаивали меня, сказывая, что многие

усильно просили его о сем, но старец никого не брал к себе в сожитие. Такого наслышавшись о нем, ещё более возгорелось во мне усердием и вера к нему, и любовь к нему большую почувствовал и непременно решился в сердце моем ни с кем не жить, кроме него».

Восторженность Зосимы по поводу Василиска просто удивительна. Так он описывает начало своей дружбы с Василиском: «Но я более всех радовался, что получил такого богодухновенного отца, которого возлюбила душа моя! ... С того времени я, совершенно отвергнув всякое сомнение, положил в сердце моем до гроба неразлучно жить при нем и быть в его повиновении, ... И с того времени я сделался его всегдашним и неразлучным сожителем и учеником его стал именоваться, хотя он и не принимал меня в качестве ученика или сына духовного, ибо всегда говорил от великого своего смирения так: "Мне ли иных спасать и наставлять, такому невежде!"»

А описание жизни в скиту близ Кузнецка, когда Зосима жил в некоторое время в пяти верстах в стороне от Старца: «Поэтому из моего удаленного места я приходил к ним на праздники, но и Старец иногда приходил ко мне; но сколь желательны и любезны для меня было его посещение, в точности описать не могу, ибо назначенного им дня ожидаю словно какого торжественного дня, встречаю с радостными слезами: обнимемся, после благодарения Богу, преискренно дружественным образом; слова его сладят сердце мое, все его советы непреложными почитаю; поэтому все мои предприятия и всякие мнения предаю на его рассуждение, и что в прошедшие дни происходило с ним и со мною, друг другу в тонкости объясняем, и потом, советовались на предбудущие дни, как и в чем соблюдать себя и коим рукоделием заниматься, и какое учреждение в трапезе наблюдать. И так он, утвердя меня, провожал время в некоем занятии, и по отправлению обычного богомоления по приличию дня вместе трапезовали; по приходу же часа к отхождению ему от меня, тогда так же с самолюбующимися слезами провожал его с истинной сердечной печалью на дальнейшее расстояние, разлучившись же с ним и идя назад, не могу идти просто обычно, но от любви и веры моей к нему убеждаю себя, да моими недостойными ногами не ступаю по его следу, веруя, яко бы он будет мне на вспоможение. Возвратившись и вошедши в келлию мою, тогда кои вещи держимы были его руками, целую оные, возводя мысленно к нему мою горящую о Боже любовь...»

«Много раз ночью словно сам он будил меня, особливо в те часы, когда должно на молитву вставать, и так явственно как бы слышу и походку его, голос же точно его чистый вне келли явственно молитву творит, "Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас". Услышав его голос, вдруг пробуждаюсь и чувствую себя бодрым, словно в то время я и не спал;

и часто отвечал “Аминь!”, думая по истине, что старец мой пришел и стоит вне келли. И много раз бросался дверь отворять ему; но, вслушавшись, вижу, что нет никого, и так почти всегда после излишнего моего сна, когда в должное время сам не пробуждаюсь, молитвенный голос будил меня, и насколько я уже привык к такому подобию его голоса, что когда пробуждусь, то сам себе и говорю: “То не старец мой пришел, то ангел его возбуждает меня в таком дружеселюбии”».

5) «хотя, может быть, ни с кем во всю жизнь свою не сказал менее слов, как с ним, несмотря на то, что когда-то многие годы провел в странствованиях с ним вдвоем по всей святой Руси».

Странствия действительно прошли «по всей Руси». Пешком прошли Зосима с Василиском в Крым, оттуда на Кавказ, затем в Астрахань, а оттуда в Сибирь. В Сибири же «*проезжали мы и проходили по разным пустынным местам и были в округах Тарской, Каинской, Томской, Енисейской и Красноярской и в Кузнецкой, где и постигла нас зима*»... «*На этом месте мы прожили двадцать четыре года ...*»

И действительно, как это ни странно, Зосима и Василиск разговаривали мало: «*Старец обычно много время провождал, углубляясь в сердечном внимательном молении*».

А так прожили старцы несколько десятилетий в скиту: «*Был же между нами таков устав, чтоб ночью друг друга будить, чтоб хотя и не вместе телом, но молитву чтоб творили вместе. Сего ради веревку от его келли до моей келли протянутую имели, ею же ударяли в стену привязанною чуркою, таким стуком ночью друг друга возбуждали, и узнавши о здравии один другого, ибо разбуженный таким же стуком о стену келли своей даст знать, что возбуждился и здрав есть. Так как удерживались до субботы не ходить друг к другу, а особенно в среду и пятницу уединенно в безмолвии быть*».

б) «Было это уже очень давно, лет пред тем уже сорок, когда старец Зосима впервые начал иноческий подвиг свой в одном бедном, мало известном Костромском монастыре, и когда вскоре после того пошел сопутствовать отцу Анфиму».

А вот что пишет сам Зосима: «*В то время возымел желание и я, грешный Зосима, ученик старца Василиска, пойти в иноческое звание, читая же в Четь-Минеях жития святых отцов, много удивлялся, как св. отцы одни жили в отдалённых глубоких пустынях, потому из любопытства и прибыл к сему пустынножителю Адриану. ... тогда один взор на него привёл меня в изумление, ибо был он в худом разодранном платье, а сам был худ и бледен, тонок и худ телом и высок ростом, один вид его в великое удивление приводил. И я пробыл у него два дня, на все поступки и вещи и дела их много удивлялся, видя всё у них бедное, простое и небурное, только нужду их*

удовлетворяющее, и видел, как они ночью, пробуждаясь, вставали на богомоление. На трапезе же всем поровну подавалось, еда была простая; не было у них ничего молочного, ни хмельного, только пустынные и огородные снеды, а питье – вода и квас. И как сам отец Адриан, так и все соживущие с ним, были кротки, молчаливы и послушны; и прочее всё бывшее у них и от них самих показуемое мне, заставляло меня недоумевать и удивляться, особенно когда не взяли от меня подаваемых мною денег. Это меня так чрезмерно удивило, что я, не утерпевши, сказал: “О диво! Есть же такие люди, которым деньги не надобны...” Были между ними мир и тишина, в совести любовь и простосердечие; у всех словно одна душа и одно хотение; достохвальнее же всего то, что друг к другу имели непритворное усердие и без лести друг друга почитали и уважали благоговейно. Сие всё самолично видел я, ибо многократно потом посещал их, и так, вразумясь и наставляясь от них, помыслил я о себе: как счастлив я буду, если сподоблюсь вести такую подобную им жизнь, беспечальную, спокойную, только на угождение и служение Единому Богу беспрепятственно проводить. И так положил в сердце моем твердое намерение к ним вселиться в сожитие».

О Василиске: «Во всё мое 40-летнее с ним пребывание не пожелал иметь собственной ни одной денежки, тем более не склонен был стяжать деньги и в запасе хранить. Ничего имеющегося у него не щадил для просящих; ко всякому человеку, особенно правоверному, истинною любовью прилежал, всякому старался услужить и для пользы спасительной, ко благоугождению Божию, для всякого готов был на всё себя отдать...»

«Старец, видя к себе почитание, сильно скорбел о сем, почитая себя недостойным, и многаяжды он со мною вместе просился у настоятеля, чтобы отпустить нас, чтобы нам по желанию нашему уйти в отдаленную и неизвестную страну...»

Таким образом, очевидно, что Ф. М. Достоевский не просто внимательно прочитал сочинение Зосимы Верховского, но очень бережно его переработал, сократив буквально до конспекта, оставив всю важную информацию, практически не изменив ничего. Созданный им образ персонажа чрезвычайно точен и совпадает с прототипом каждой своей строкой. Даже измененное название «бедного Костромского монастырька», начинается с той же буквы, что и название реального «бедного Коневецкого монастырька».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов Н. А. Образы кузнецких старцев в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. – Кемерово, 2014. – Сборник № 10. – С. 42–47.
2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. – Ленинград: Наука, 1991. – Т. 9–10.

3. Зосима Верховский. Житие монаха и пустынножителя Василиска, писанное учеником его Зосимою Верховским. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zosima_Verhovskij/tvoreniija/1 (дата обращения: 13.03.2020).

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Муниципальное автономное учреждение культуры
«Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского» (г. Новокузнецк)
Новокузнецкий институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
Факультет филологии
Кафедра русского языка и литературы

200-летию Ф. М. Достоевского посвящается

ТВОРЧЕСТВО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ПРОБЛЕМЫ, ЖАНРЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Выпуск XII

Новокузнецк – Красноярск

2020